

МОЗАИКА

Сего~~Д~~ня

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №35)

ГЛАВА 2. ДЕТСКИЙ ДОМ.

Детский дом, в который определили нас с Файньюкой, расположился на окраине небольшого городка. С одной стороны детдом обрамляли сопки, в отличие от привычных для нас совершенно голые, с каменистыми выступами, с другой стороны протекала горная бурная река, а с третьей расположился глубокий овраг, поросший вдоль дна мелкими кустарниками. В верховье оврага можно было увидеть глинистый карьер. Со стороны городка пролегла узкая полоска проселочной дороги, которая заканчивалась большими воротами на территории детдома. Сам детский дом был огорожен деревянным забором. На территории находились несколько строений, в основе своей саманных и деревянных домиков. Воспитанники жили в двух баракообразных строениях. Причем девчата жили в правом бараке, а мальчишки - в левом. В торце девчачьего барака пристроена баня. В самом большом деревянном доме располагались администрация, медпункт с изолятором, и здесь же проживало и все наше начальство. Обслуга и столовая располагались в трех других домиках. Здесь же, вдоль площадки, между бараками был сооружен навес с длинным деревянным столом и двумя рядами лавок. В летнее время навес служил общей столовой. Зимой столовой служили сами бараки, отопляемые печками, которые топились кизяком. Кизяк заготавливали летом на скотном дворе. Километрах в трех вверх по реке стояли базы. На импровизированной площади детдома возвышалась небольшая трибуна, где проводили митинги и вечерние проверки. В самом северном углу вдоль забора теснились несколько сбитых из горбыля пристроеек. Там же находилась маленькая конюшня, в которой, как оказалось позже, жила старенькая кляча. Она таскала за собой арбу на двух больших колесах. Рядом с конюшней чуть в стороне был вырыт глубокий колодец. Вода в нем была холодная и вкусная. Высокий журатель скрипел, пошатывался, был сер от времени, но достаточно надежен. Продукты привозили каждый день на двух подводах, под охраной двух солдат.

Зимой в бараках было относительно тепло. Правда, те, кто спал ближе к дверям, мерзли. Постель была проста. Вечером, перед сном, расстилалась кошма. Ложились в ряд, один возле другого, дежурный воспитатель накрывал нас другим рулоном кошмы. Ночью воспитатель поддерживал огонь в двух печках и следил за порядком. Днем проводились занятия по политграмоте. На занятиях мы узнали, что наши родители - лишенцы, враги народа. Обещали, что летом переведут в город. Леонтьич, старичок неопределенного возраста, много рассказа-

сто переставал принимать любую пищу. Вот тут и нашлась работа нашей арбе и старому конюху. Врач наш или фельдшер ничем помочь не мог! Да и не было у него лекарств, я так думаю. Рано утром, сразу с подъемом, снимали кошму и выносили тех, кто умер. Грузили на арбу и молча вывозили к глинистому карьеру. Строго-настрого было запрещено есть траву, но разве желудку прикажешь!? Привезли несколько мешков прелого ячменя, я потому знаю, что помогал разгружать рогожные мешки, от которых так приятно пахло! Вечером того дня сварили ячменную похлебку. Но ребята мёрли. Коленъка пару раз пушил меня, приговаривая:

- Сдохнуть хочешь? А Файньюку кто беречь будет? Тятка что говорил? Держаться вместе, пока живы. Вместе мы сила! А порознь - что блоха. Раздавит нас житуха, как ни крути.

Я-то видел, он потихоньку пайку делил, при случае сестренке передавал, да и мне перепадало. Хотя сам на полголовы выше меня был - худющий такой!

Как ни крути, а голод и вша вместе ходят! С зимы мы вышли вместе с ними. Стригли нас налысо - что пацанов, что девчят. В бане мыли каждую субботу, но без мыла, с какой-то жидкостью, даже кошму выносили на улицу зимой и летом. Но вовш - она живуща.

Не знаю, совпадение это было или еще что, но по здней осенью, как на грех, пришла страшная беда! Брюшной тиф! Первым заболел Коленъка, а за ним и я. Изолятор был переполнен. Смерть была быстрой, но нас пополняли и пополняли новыми лишенцами. Где столько кулаков находили, не знаю! С нами в бараке были пацаны с одной деревни, с разных семей, которых раскулачили за одну и ту же паровую маслобойку.

народа. Обещали, что летом переведут в город. Леонтьич, старичок неопределенного возраста, много рассказывал про окружающий нас мир. Он родился и рос где-то далеко, на большой реке Волге. Бывал в Москве. Хорошо читал, воевал в гражданскую войну, был ранен в ногу, по причине чего сильно хромал. Семьи у него не было. Любил слушать нас, мальчишек, сочувствовал. Говорил:

- Вот построим коммунизм, будем все жить богато и счастливо! Беспризорных и голытьбы не будет. Встанете утром, захотел каши с маслицем – пожалуйте! Хлебца – от пуз! Все в хороших домах, в красивой одежде, с портфелями! Как у нашего директора...

Директора мы видели, портфель тоже, а вот зачем он нам – не понимали. Но жить, как он, почему-то были не против.

Кормили нас, мягко сказать, плохо. Утром пайка хлеба и кипяток. Днем выдавали суп – баланду. Ложкой водишь попусту. Пайки не хватало. Мы быстро росли и постоянно думали о еде. Любой! И побольше! Вечером – кусочек хлеба и кипяток, заваренный сушеным морковкой. Малышня лет пяти ползала под столом и собирала крошки.

Был у нас такой парнишка – шибздик, как его называл Леонтьич – Ленька по кличке Спор. Очень спорить любил. И была у него такая заготовка домашняя. Худощий, как все мы, но с большим ракитичным животом. Постоянно голодный, он ходил по двору, приставая ко всем:

- Давай на пайку поспорим?

Те, кто знал его, никогда с ним не связывались, а новички, бывало, «клевали». Приходит в барак новичок, а Ленька уже тут как тут. Вертился около с расспросами:

- Откуда родом? Как зовут? Мамка с папкой тоже лишенцы? У нас тут хорошо, никто не обижает. Если кто тронет – скажи! Вмиг юшку начистим. За нами не застится! Мы коммуна!

Находился простачок. Ленька всегда спорил на пайку, что сможет за один присест выпить ведро воды! По такому случаю собирался почти весь барак. Лешка черпал в колодце ведро воды. Важно так, медленно, умел же поганец выпендриваться, перебирая руками, шесть гусака, доставал ведро из колодца. И в приема два – три выпивал! Окружающие его поддерживали, кричали, хотя все знали – выпьет! Ну а позже он бежал за угол барака, совал два пальца в рот и опораживал желудок!

Так прошли голодные осень и зима. Пришла весна. С хлебом совсем стало плохо. Да и то – начинились голодные тридцатые. Пайку срезали. Выдавали раз в день. В мае за бараками вдоль забора, на пустыре высыпала первая зелень: коноплю да калачник.

Зеленая поросль манила к себе. Да и кто в детские годы не пробовал этой зеленой травки. Но никто из нас не знал, что таит в себе этот прикорм. Травка на голодные желудки, которые болели и требовали пищи, кричали: «Хоть что –нибудь!» – отозвалась по-своему.

Нас просто стало дуть! Хорошо, если кто отходил простым поносом, хуже, когда были колики! Желудок про-

Лихорадка, сыпь и постоянное желание пить, пить, пить! В том году рано выпал снег, в канун ноябрьских праздников, и уже не таял. От отчаяния или простой необходимости, но температуру сбивали снежной простыней. Расстилали простыню, насыпали слой снега и заворачивали. Минут через пять простыня становилась сухой! И так несколько раз. В изоляторе с нами была Нянька. Она следила за больными, топила печь, на которой стоял большой бачок с водой. Воду кипятили, расстилавая свежий снег. Той ночью я очнулся, услышав, что кто-то просит пить. Послышалось, что это Коленька, В полуобреду я встал и попытался на четвереньках добраться до бачка с кружкой, но потерял сознание...

Очнулся только утром. Место, где лежал Коленька, было пустым. Я понял, что братка умер! Нянька, которая сменила напарницу, сказала:

- Ты не убивайся, значит не судьба ему, сердечному. Тетка Вера, Нянька ваша, тоже ночью умерла. Царствие им небесное. Прямо возле печки и кончилась. Братик твой маленький еще, безгрешный был, значит к ангелам прямо и попал. Там ему лучше будет.

Вот тогда я понял, что теперь стержнем в жизни для меня стало желание во что бы то ни стало выжить самому и сберечь Файньюку.

Засиделись мы с тобой. Да и костер, видишь, уже почти потух. Давай стелиться да на боковую. Сходи, кней глянь. Малой и заснуть может. Завтра день добрый должен быть. Нам работать да работать надо, пока ведро.

А ночь была на удивление светлой и тихой. Было чуть слышно, как шумят ивы и тополя, журчит речка, фыркают невдалеке кони, стрекочут кузнецики, да где-то на берегу не спал соловей. Пел свою песню, немного веселую, немного грустную. Звезды высыпали густо и низко. Я лежал на спине у гаснущего костра, и мне казалось, что это вечное, звездное покрывало оберегает нас. И где то там, далеко-далеко, есть нечто, что наблюдает за всем этим прекрасным, хорошим и плохим, оценивает нас. «И воздастся каждому по делам его!»

Известно – ночь в июне только шесть часов. Сначала высветилось небо на востоке, потом появилась полоска зари на горизонте, затем вспыхнули верхушки гор на западе. Начинался новый день.

С утра и до заката солнца, с перерывом на обед, в самый пик жары, когда мы в речке сидели, косили, гребли, возили на конных волокушах сено, скирдовали. Поздно вечером разожгли костер, поставили уху (ребята – волокушники днем неводили), бросили в золу картошку – запечь. Я спросил:

- Ну, а дальше что?
....*Продолжение следует*

Владимир ПОЛЯКОВ